

В жизни бывают рубежные ситуации, когда все в тебе высвечивается и раскрывается. И нет ни секунды колебания и мук выбора. Все, с чем пришел к рубежу, определяет истину и позицию.

Таким рубежом для нас стал день 19 августа. Мы даже и не подозревали, какие мы сейчас. Одни — до атома! — изменились за годы перестройки, другие уже были рождены в новой ауре, «рождены свободными».

КАК трудно было в последние пять-шесть лет избавляться от догм всей предыдущей жизни! Догм, и привлекательно упакованных, и принудительно вводимых в организм с малолетства. Тем более что в любом привычном есть нечто удобное. Консерватизм — охранительная пропелка общественной жизни. С чем рождаемся, в то верим и тому следуем. Родившись в стране, где одна партия, ослепляющая всех, как солнце на небе, где само собой разумеется, «народ и партия едины», где правят «гегемоны» и «кухарки» — путем послушного поднятия рук, изначально, не имея с чем сравнить, принимаешь этот порядок как вполне нормальный.

С детства нас приучили любить выдумку и молиться на нее. Нас влюбили в нашу единственную революцию (сейчас ее уже называют переворотом), отменяя все другое и возводя ее на престол полной непогрешимости. А гражданская война! Братоубийственное кровопролитие вколотили в душу как возвышеннейшую романтику. Это были непогрешимые, эталонные константы, это было свято. «И комиссары в пыльных шлемах», — гордо писал честный и умный художник, впоследствии с чувством глубокой горечи признавшийся, что сейчас бы так не написал. Я и сама гордо сообщала в ранних стихах, что я — дочка комиссара. Мой комиссар, как и многие другие, надеюсь, все же будет помилован, если не оправдан, историей. Но с позиций новой душевной зрелости я бы тоже убрала из стихов ноту умозрительной гордости.

С чего начиналась жизнь маленького человечка в Стране Советов? С фальшивого захлеба: «Эх, хорошо в стране Советской жить!» С детсадовского, с приспособленной к детям психологической удавки:

«Я маленькая девочка, играю и пою, я Ленина не знаю, а его люблю!»

Жить было, может быть, и действительно хорошо. Не потому, что в Стране Советов, а потому, что прекрасна сама жизнь, особенно в ранние годы, когда природное, мажорное так естественно звучит в юном существе. Мы не рождаемся с экономическими или политическими мозгами. Эти нежные мозги легко было априори уверить в величии усамого «зодчего», в том, что колхозы и совхозы — хорошо, общие средства производства — замечательно, только коммунистический труд производителен.

А жизнь открывала иное: нищету деревни, феодальное закрепощение беспаспортных крестьян. Кабальную жизнь «гегемонов». Засупоненность, подконтрольное существование интел-

лигенции. Но ум и сердце развивались, сопоставляли догму и жизнь, и появлялись такие гиганты, как Сахаров и Солженицын, рождались писатели, прозревающие правду для себя и для всех, выходили на Красную площадь храбрые безумцы и говорили эту правду, платя за нее годами тюрьмы. Появились узники свободы и мученики пера. Наш отмуштрованный народ услышал их не сразу. Не сразу распалась кольчуга существующего.

Я замечала, что этот измученный и изуродованный народ

полье, обреку себя на годы одинокого страдания, погибну в какой-нибудь мясорубке репрессий, но никогда дегенераты с лицами упырей не добьются от меня ничего. С ними — исключено! Я была уверена, что наступает эпоха смерти, что прольется кровь. Но брезжила надежда, что в конечном счете «у них не получится».

Однако тут же я убедилась, что так думают не все.

Телефонные разговоры. Точки зрения. «Надо подождать...» «Печально, но ведь страна в таком хаосе и кризисе, нужна

Маркетинг и менеджмент. Рынок, черт бы его дра! А был мир гарантированных зарплат и лечения. Мир, где — почему? непонятно! — у советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока...» А еще какой это мир? Кровавое самодовольство партократии. Социальный алкоголизм. Страх. Унылая перспектива прикованности к вечной тачке полусуществования.

Надо продираться в новый день. Самообновляясь, молодея, судя и исправляя себя и других, но не плюя огульно во все, что позади. Никому еще не удавалось выпрыгнуть из исторической клетки бытия, это надо не забывать при оценке прошлого.

И я бы очень хотела не сражаться и ненавидеть, а разговаривать, просвещать и просвещаться. Там, где это только возможно.

Я бы спросила, например, од-

хи. Я занимался своим главным делом жизни. Я работал. Я занимался тем же, чем, смею вас заверить, вся трудовая страна: работой, созданием! Я бы спросила его, он что, не понял, какая беда грозила работе, созданию, стихам о любви? Нет, он не сторонник путча, но чего он сторонник? И, смею тоже заверить, трудовая страна, в отличие от него, встала на защиту своего права нормально жить и создавать.

Я категорически против «охоты на ведьм», против топтания ногами и ора за цивилизованные способы разрешения проблем и конфликтов. И все же покривила бы душой, сказав, что со всеми мне хочется разговаривать, переубеждать или переубеждаться. Как ни печально, есть люди, чья деятельность подлежит и юридической оценке. Повторяю, как это ни печально...

На чем свихнулся казавшийся таким смелым и прогрессивным репортер телевидения, вдруг начавший с упоением воспевать омовцев, стреляющих в народ? Его оголтелый и откровенный шовинизм — не просто инакомыслие. Это активная позиция, пахнущая кровью. И позиция писателя, рассказывающего нам сейчас с хладнокровием безумца или негодая, что переворот совершен не так. Плохо. Неквалифицированно. А надо бы как в Афганистане. Про что он сейчас и пишет...

МНЕ было жалко нашего Президента, запертого в Форосе, я против насилия как способа скорого достижения целей, когда не получается достичь их законным путем. Я за закон. Но дело даже ведь и не в этом. Дело в том, что предложили нам господа из ГКЧП. Если бы просто — вернуть Президента и жить по допереворотному времени, народ и не пошел бы к «Белому дому», и не полез бы под танки. Поэтому и нельзя было в дни переворота сидеть и писать стихи о любви, нельзя было ждать в Крыму или в Нью-Йорке, а что дальше будет...

Заплатим по своим счетам, не озлобляясь, просто постаравшись честно разобраться в происшедшем. Душа не кровава. Она тянется к гармонии. Надоело жить в мире, где так холодно, неуютно, так много озверелости и гнета. Отрадно видеть двух бывших почти недругов, двух президентов — красивых, с отмытым трагедией свечением изнутри, сидящих рядом и беседующими по телемосту с американцами. И слова-то какие-то иные: точные, несущие информацию, убеждающие.

Библейские заветы: возлюби ближнего..., любите врагов ваших... В нашей сложной, раскаленной жизни они открываются животрепещуще. Враги... Да не враги это — очень часто никакие. И ты для них не враг. Бремя страстей человеческих, сложность путей земных. Не дай Бог искать ответа на вопросы с дубинками и автоматами Калашникова в руках!

Сделать шаг навстречу друг другу тем, кто готов был только к драке, невероятно тяжело. Но всё другое — от лукавого...

Римма КАЗАКОВА

Возлюбил

Правда. — 1991. — 14 снт. — С. 3.

очень часто, не давая себе труда дойти «до самой сути» события или явления, с ленивой послушностью принимал даже абсурдные установки вершителей наших судеб и незаконных законов.

Плохо живем... Почему мы так плохо живем? Нет чтобы в систему заглянуть, сказать себе, наконец, в чем дело-то: система не дает развернуться, обрекает на монотонное полуничтожное существование. Хотя и выглядит теоретически складненько.

Вместо этого находили любые объяснения своим трудностям и печалям. Война, дескать, была. Не можем от войны оправиться. Работать нужно лучше. Помню лозунг на Манежной площади, подписанный одним из самых стертых лиц нашей недавней политической жизни — Черненко: «Чтобы хорошо жить, надо хорошо работать!» Ах, оказывается, как все просто... Помню и другой лозунг (еще недавно страна была буквально заплевана, размазана этими кумачовыми глупостями): «Ударному труду — высокое качество!»

Вот и трудился мы ударно, с высоким качеством непонимания, что живем в клетке, за прутьями которой — кино об иной жизни.

УТРОМ девятнадцатого августа я поняла, как далеко ушла сама от себя за последние годы. В буквальном смысле слова стала другим человеком. И это было чудом. Я, такая крутая комсомолка в прошлом, такая законопослушная, готовая с радостью сжечь свою молодую жизнь в любой дыре, куда партия пошлет, существо с руками по швам, — вдруг ощутила, что этого во мне не осталось совсем.

Что я умру, уползу в под-

твердая рука...» «Да это Президент сам все заварил, а потом действительно присоединится к ним, как обещал новый руководитель...» «Чего ты кипятишься? Жизнь идет нормально, вот и Конгресс соотечественников открылся... И вообще: урожай собирать, конечно же, надо! И дисциплина нужна...»

«Непротивление ГКЧП как состав преступления не рассматривается». Это — уже сейчас, из сообщения ТАСС с пресс-конференции в МИД СССР, состоявшейся 6 сентября.

А тогда, в первый день переворота, и не помышляя квалифицировать с юридической точностью позицию некоторых моих знакомых, я, может, слишком нервно и отчаянно, но пыталась их переубедить, просветить, что ли, разбудить невинно не ведающих, смутить равнодушных успокоить струсивших, хотя сама я смертельно испугалась. Испугалась, что опять из простора жизни нас захихивают и, возможно, запихнут в казарму.

И мне открылось одно, до сей поры неведомое.

Если кто из нас 19 августа не почувствовал всего ужаса и невозможности поворота туда, куда звал нас ГКЧП, значит, с ним не все благополучно. Он душевно нездоров. И его надо лечить. Лечить с милосердием, но и с безболезненной твердостью настоящего врача.

Все прозвешение и обретение себя в этом новом мире должны не пожалеть себя «для друти своя», помочь людям — выпряться из помоек и потемок, из оков и предрассудков прошлого в сегодняшний день, пугающий своей непохожестью и новизной. В этом сегодняшнем все непривычно. Даже лексика — чужая и странная. Частная собственность. Санкт-Петербург и Тверская.

своего коллегу, чья подпись стоит под безызвестным «Словом к народу», писателя, который недавно в оправдывающей статье пояснял, что он — против путчистов и со своим многострадальным народом. Он только боялся, что «демократы» установят такой порядок, когда свобода у нас будет, а вот равенства и братства — никогда... Я бы спросила его, кажется, все-таки несколько растерянного после событий 19—21 августа: «Это когда же у нас было равенство и братство? Да не было их. И еще к тому же свободы не было. Какие это были равенство и братство, видим мы по тому, как льется кровь в межнациональной резне. Равенство обнаруживается при «раскулачивании» КПСС, членом которой вы, фронтовик, многоопытный руководитель, долго и удобно для себя состояли...»

Я бы задала вопрос и одному поэту-критику, который, хотя его никто отчитываться не просил, сообщил в газете российских писателей: «19—23 августа я... писал стихи... Я что, сторонник путча? Да, я писал сти-